Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 19. Львовъ, 4 Мая 1856. РОКЪ IX.

ѢЗДЪ.

Не сжмурившись зъ порога
Выйшла дѣва небога
Тримаючи въ чащцѣ варъ.
— „За здоровье мой соколе!
Где нибудь есь въ сей годинѣ:
На веселью, чи въ неволи,
Чи край свѣта — духомъ къ менѣ!"
Выпила, готовый чаръ.

Чути.... слухай! — дуднитъ поле;
Глянь! вже ѣде; куритъ шляхъ...
— „Вижу, вижу въ туманахъ
Его коня, его зброю;
Лишь видѣти — не устою,
Бѣжу къ нему...ахъ!"

Приторгъ коня; конь сталъ дуба.
— „Якъ ся маешь моя люба!
Коли еще любишь мя,
Чогожь кличешь въ такой хвили?"
— „Бо завижу другой долѣ,
Бо безъ тебе свѣтъ не милый.
Чижь не ѣдешь зъ веселья."
— „Гей, на твоихъ чаровъ силы,
Не зъ веселья то неволи,
Не зъ неволи то зъ могилы!"

Зъ сѣдла скочилъ; сабля брень!
Цоркъ! подкова, креше рѣнь
А въ проходъ крыла воротъ
Отверлись, и трасли въ слѣдъ.

— „Най тамъ чары тай ихъ сила.
Скажи милый отколь ѣдешь?
— „Зъ далеченька моя мила;
Ѣдь со мною, то увидишь."
— „То далека сторона;
Я въ сторонѣ не знакома."
— „Но менѣ своя она,
И всѣ люди тамъ якъ дома."
— „Скажи милый, яки люди;
Бо якъ любятъ говорити,
То неслава менѣ буде."
— „Гей, ажь любо съ ними жити:
Межь собою ни полъ слова,
Къ чужимъ только, то ихъ мова."
— „Охъ, то скучно, но съ тобовь
Свѣтъ забути можь и скуку."
— „Чуешь мила? давай руку;
Зарзалъ конь мой — ѣдь со мновь!"
Мати смотритъ зъ заоконья:
— „Съ кимъ говоритъ моя доня?
Дивлюсь — духа не видати."
Пуста жура; смѣйся мати.
Вжежь не верне кто мертвый,
Хоть бы якъ му любка мила...
Но якъ счезла дочь зъ очей
Зойкла мати и — застыла.

Летятъ; вже хата мелькла зъ очъ;
Въ очахъ сонно мрѣе ночь;
Козакъ свиснулъ; конь на волю
Садитъ полемъ, — сумно въ полю:
Вѣтеръ завые то запѣе,
Гдесь-не-гдесь свѣтилце ясне
По надъ млаковь засинѣе,
Свѣтитъ хвильку и погасне;
А вороный конь якъ птахъ;
Куда очи туда шляхъ.

— „Тьма, що свѣта не видати.
Зришь ты милый куда гнати?"
— „Свѣтъ — забути можь со мновь;

Я съ тобою — трафю тьмовь."
— „Гдежь сидишь ты?" — „Край Дунаю;
„Лишь не сижу но лягаю.
— „Охъ, вѣчножь такъ летѣти намъ?
— „Вѣкъ не рокъ; конь стане самъ
„Но тутъ не стане только тамъ!"

Счезла ровень нивъ и млакъ.
Дивъ козакъ
На ворономъ якъ на бѣсѣ
Дуе лѣсомъ, — страшно въ лѣсѣ:
Волки выютъ, шумитъ пуща,
Свѣтла рѣдше и тьма густша,
Зъ тьмы очима свѣтятъ совы —
Дѣвча горнесь къ козакови
И дивуесь що ей милый
Якъ ледъ зимный, якъ снѣгъ бѣлый.

(к. с.)

Слово на погребенiе Богда Хмельницкого Гетмана войскъ Запорожскихъ, сказанное бывшимъ секретаремъ его Самоиломъ Зоркою, въ Суботовѣ, Августа 1657 года.

(изъ Лѣтописи Сам. Величка).

Милостивыи паны полковники и вся старшина, со всѣмъ товаришествомъ, войска запорожского, и вся рѣчь посполитая Оукраинская!

Хотя житье и смерть отъ начала мiра опредѣленна волею Всемогущого, изреченною предкамъ нашимъ верховнымъ оуставомъ: „живите и множитеся" — „земля есьте и въ землю отъидете;" не смотря на тое, смерть человѣка наполняетъ обычно сердца живущихъ неоудержимою и неодолимою скорбiю. Суждено наконецъ и намъ, послѣ прежнихъ радостныхъ дней, слышати рыданiя и обливатися слезами при видѣ Гетмана нашего, Богдана Хмельницкого, воистину Богомъ намъ данного вождя, неумолимою смертiю похищенного, и здѣсь на катафалку принимающого послѣднiи нашiи попеченiя.

Оумеръ доблiй вождь нашъ, оставивъ по собѣ безсмертную славу, тотъ, отъ мудрости которого не лише мы, его подручники, но и вся рѣчь посполитая малоруская, оуповала долгихъ лѣтъ счастливой жизни и предуспѣнiя! Оумеръ тотъ, кому десница Всемогущого вездѣ подавала скорую помощь, когда онъ съ Вашими Милостями, Милостивымъ панствомъ праведно ополчалъ ся за свободу и древнiи права, на братiй и вмѣстѣ враговъ нашихъ Савроматовъ Польскихъ! Оумеръ тотъ, отъ чiихъ пушочныхъ и ружейныхъ громовъ колебалась не только Сарматiя древнихъ Вандаловъ и береги бурливого Евксино-Понта, съ ихъ крѣпостями и замками (особенно въ войну 1621 года, межи короною Польскою а царемъ Оттоманскимъ Османомъ, долго и счастливо производившою ся подъ Хотиномъ, съ помощiю козаковъ, братiи нашой); но дрожали самыи стѣны Царьгорода, окуренныи дымомъ ружей козацкихъ! Оумеръ наконецъ тотъ, которого оусилiями оживленны могли быти навсегда древнiи права и свободы оукраинскiи. Не время менѣ изображати и изчисляти заслуги и рыцарскiи доблести, которыми вы славно ознаменовали себе съ вождемъ симъ, Богомъ даннымъ Вамъ Гетманомъ Хмельницкимъ, оуспѣшно и доблестно ратуя за древнiи свободы, попранныи и поруганныи Поляками, братьями нашими; послѣдуючи въ томъ старовѣчнымъ сподвижникамъ великого Александра Македонского, предкамъ своимъ словянамъ заровно Скитамъ, Кимврамъ и Козарамъ. Пусть повѣдаютъ о вашой рыцарской доблести поля и долины, оущелья и горы, замки и пушочныи жерла, пусть возвѣстятъ, съ якимъ мужествомъ и богатырскою отвагою стояли Вы за свои вольности, противъ непрiятелей и братей Сарма-

то Польскихъ: къ чемꙋ стремились и чѣмъ ознаменовали себе при всесильной помощи Божой, на Жолтыхъ Водахъ, подъ Корсꙋномъ, Пилявою, Збаражемъ, Зборовомъ, Берестечкомъ, подъ Бѣлою — Церковью, Львовомъ, Замосьцемъ, Нестеркаромъ и Баромъ, подъ Каменецъ — Подольскимъ, Батогомъ, Охматовомъ, и на многихъ дрꙋгихъ мѣстцахъ, которыхъ немогꙋ перечислити.

Къ тобѣ обращаю ѧ тщетное мое слово, возлюбленный намъ вождь! древній рꙋскій Одонацарь 1) славный Скандербегъ, Гетманъ всего войска Запорожского и всей козакорꙋсской Оукраины, Хмельницкій Богдане! Къ тобѣ вѣщаю, теперь неподвижно, молча лежащій межи четырьма гробовыми досками? Къ тобѣ, чїемꙋ повелительномꙋ словꙋ мы недавно внимали, и каждомꙋ мановенїю повиновались, въ числѣ ста тысѧчь. Зачѣмъ такъ быстро преобразилъ сѧ ты въ безмолвного Гарпократа! 2) Послѣдꙋй лꙋчше нѣмомꙋ Атисꙋ, 3) промовь къ намъ, и наꙋчи ѧкъ жити и заходитисѧ съ дрꙋзьями и недрꙋгами, насъ окрꙋжающими. Нѣморожденный Атисъ, внятнымъ словомъ спасъ отъ оубїенїѧ Царѧ отца своего; Ты же красноречивый отъ рожденїѧ, проговоривъ охрани насъ, да не бꙋдемъ мы покоренны и погꙋбленны врагами нашими; розторгни хоть на малое времѧ оковы смерти, и вымови намъ ласкавое и доброе слово, въ і напꙋтьствїе дальнѣйшой нашой жизни, Гетманъ нашь доблестный и возлюбленный! Если же покорѧючись смертномꙋ приговорꙋ, не можешь исполнити желанья живыхъ, по крайной мѣрѣ тамъ, оу престола Всевышного, где мы Тебе оуповаемъ, испроси, щобы Всемогꙋщїй даровалъ намъ, по твоемъ отходѣ, счастливое житїе, и сохранилъ отчинꙋ нашꙋ отъ короговъ, въ цѣлости и мїрѣ. А мы, обитатели земли, потверждаемъ взаимно обѣтъ, оумолити Всевышного, да вмѣстѣ съ избранными своими сдѣлаетъ тебе оучастникомъ безконечного блаженства. Аминь.

1 Одоакеръ.

2 Божество египтское, изображающое слабое ѧкъ бы недꙋжное солнце, по зимовомъ солнцестоѧнїю (solstitium) подъ видомъ оуломного дитѧти, сидѧщого съ покривленными ногами, съ прирosшими перстами до оустъ. Греки сꙋдили изображенїе тое за божество молчанїѧ, поневже палецъ держало на оустахъ.

3 Атисъ сынъ Креза королѧ Лидїи. Отъ рождества нѣмый, розвѧзалсѧ ѧзыкъ емꙋ въ смѧтенїю борьбы, когда отца своего загроженного воинномъ оувидѣлъ.

ОДАѦ И ОАЗЫ

(Путешествіе въ Сагару.)

Помежи всѣма дорогами, которыи ведꙋтъ до середной Африки, сѣвернаѧ есть найкоротша и найбезпечнѣйша. Воистинно, если пꙋтешественники оберꙋтъ собѣ за точкꙋ выхода одинъ зъ помежи африканскихъ городовъ на средиземномъ морю положенныхъ и оттꙋда въ простомъ направленїю пꙋтешествꙋютъ, не оминꙋтсѧ съ одаевь Сагарою; но одаѧ милостивѣйшою есть отъ людей; пꙋтешествїе черезъ Сагарꙋ не есть такъ опасное, ѧкъ чрезъ краи заселенныи, а перепоны на жегꙋщомъ пѣскꙋ борше побѣждаютсѧ, нежь лесть лꙋкавыхъ, корыстолюбивыхъ кнѧзей африканскихъ. Кромъ того, заселенныи краи африки сꙋть точно такїи, по которыхъ европейцамъ не возможно есть жити. Хоробы, въ ѧкїи попадаетсѧ бѣлаѧ масть людей европейскихъ, не походѧтъ отъ солнца но отъ земли. Тїи красныи тѣнистыи дерева, тїи свѣжїи прелестныи воды, сꙋть то надающїи смерть европейцамъ. Подъ тѣми такъ величе-

*

ственными деревами, на берегахъ тѣхъ такъ живописныхъ озеръ розвиваетсѧ найопаснѣйшаѧ отрова. Отходы ростѣній и звѣрятъ киснѹтъ по очеретахъ, а пара которѹю особенно ночїю издаютъ отъ себе, входитъ за каждымъ отдыхомъ въ легки, прошибаетъ всѣ поры и дѣлаетъ найѹжаснѣйшіи истребленіѧ въ членосложѣ. Да бережется всякъ докинѹтисѧ ѹстами изсохлыми отъ жарѹ тропического солнца, тѣхъ волнъ замаенныхъ деревными сплетшимисѧ галѹзами, опоѧсанныхъ водными ростѣніями. Смертоносныи частоочки, ꙗкїи рѣка Медеы мѣшала, ѣдъ который отъ ѹжасной гадюки „*Cobra di Capello*" истекаетъ, не сѹть омаль погибельнѣйшими, отъ того на видъ такъ чистого напою.

Желаючи въ Африцѣ жити, должно искати великой пространи одаи, безъ тѣни, измѣнной вегетацїи, мѹтныхъ непогожихъ водъ, которыи при розкопанїю пѣскѹ поꙗвлѧютсѧ; не ѹжасатисѧ жегѹщихъ а сѹхихъ вѣтровъ, проникающихъ кожѹ, творящихъ жаждѹ, когда безконечно мелкимъ порошкомъ горло наполнѧютъ: лѹчше бо есть жаждѹ, скваръ и всѣ ѹтрѹжденїѧ терпѣти, нежь прелестное покрѣпленїе прїймати, наводѧщое спокой гробный. Въ Сагарѣ нѣтъ жерливыхъ звѣрей, которы множествомъ въ заселенныхъ частахъ Африки находѧтсѧ. Левъ одайскїй естъ только небылицею. Король звѣрѧтъ никогда не мѣнѧетъ богатыи свои области, гѹстыи лѣсы жѹбѹртачїи водоспады, где онъ легко лѹпежь прїобрѣсти можетъ, за нагїи, безплодныи, пѣсочныи одаи Сагары. Орелъ и кана, которыхъ то живописцы и поеты, ѹносѧщихъ сѧ надъ людьми и вьючными скотами борющими сѧ на жегѹщомъ пѣскѹ со смертїю, изображати такъ любѧтъ, никогда не дерзнѹтъ поꙗвитисѧ въ сторонѣ, где воды такъ тажко допасти, где каждый пѹтешественникъ жерело, що жаждѹ его загланило, каменїемъ и галѹзами прикрываетъ. Чѹдовища, ꙗкими Плиній одаю заселѧетъ, находѧтсѧ лишь въ его фантазїи. Тотъ просторонный опоками засѣѧнный кѹсень земли, не пропитѹетъ даже червей, съ однимъ изъѧтїемъ кордюковъ (скорпїоновъ). Великанскаѧ гадюка, котора ꙗкъ повѣдаютъ здержала походъ ратныхъ силъ Регѹла, должна по своемъ родѣ одинока быти; никто бо не бачилъ отъ тогда подобнои. Крайнимъ словомъ, Сагара есть совершенно безъ житїѧ и движенїѧ; не побачитсѧ тамъ звѣрѧтъ ни ростѣній. Поровѣ поꙗвитсѧ птица въ обшарѣ трохъ или четырохъ вѣтвей, окрѹжающихъ нористое жерело и пропитѹетсѧ злишками по спожилой караванами вечерѣ. Пѹтешественники розмелѹючїи свое жито каменьемъ, дабы мѹкѹ зъ него сдѣлати, допѹскаютъ все нѣсколько зернѧтъ ѹпасти и надѹлѹжѹютъ тѣмъ веселый спѣвъ, ꙗкимъ самотнаѧ птица ихъ прїймаетъ. Око, ѹтомленное сцѣпенѣловѣ однострой-ностевѣ; слѹхъ, нѣмовѣ тишиновѣ природы ѹспленный, радѹетсѧ когда стрѣтитъ того жителѧ одаи, скачѹщого весело и щебетающого; но ꙗкъ маленько ꙗвлѧетсѧ и тота счастлика отмѣна! Одаѧ такъ совершенно наименованна, що даже мѹрашка или летающое насѣкомое, въ пѹтешественникѹ радостно чѹвство производѧтъ. Должно однакожь изнѧти ꙗщеркѹ, котораѧ частѣйше ꙗвлѧетсѧ окѹ, саламандра, который безсомнительно огнистыми лѹчами солнца живитсѧ.

Послѣ описаній больше поетичныхъ ꙗкъ точныхъ можь бы изобразити собѣ Сагарѹ ꙗко безконечнѹю пространь, накершеннѹю пѣсочными могилами, ними же вѣ-

теръ гонится и котитъ такъ, що пꙋтешественники тамъ долъ стрѣчаютъ, где въ попередъ горбокъ былъ. Но и въ томъ можь обманꙋтися. Одая имѣетъ части пѣсочныи, части опочныи, но и части земныи, ониже оуправитися дали бы, если бы вода недоставала. Пѣсочная часть есть найсꙋмнѣйшая; опочная подаетъ где кꙋда образы очень живописны; воздꙋшное состоянїе есть тамъ дꙋже не постоянное, жегꙋщїй скваръ менше сорозмѣрный; часть оуправоспособного поземлїя, хащами, зельями и ростѣнїями покрыта, которы отъ недостаткꙋ воды оусыхаютъ, надаетъ цивилизованномꙋ человѣкꙋ жалкїй видъ, позаякъ онъ собѣ дꙋмаетъ, що, если бы часть тая отъ дѣлательного и сквапного родꙋ людского заселенна были, богатыи жнива моглибы доспѣти. Несчастливымъ дѣломъ противится все заселенїю тѣхъ областей сагары: правительство, религїя и люди. Бисꙋрманска верховная власть, котора великою частїю надъ одаями повелѣваетъ, оубїйствомъ и опꙋстошенїемъ оукрѣпилася: она оудержꙋется лишь системою оугнетенїй и розбойничихъ походовъ; религїя влїяетъ на жители лѣнивымъ и оудогоднымъ фатализмомъ, всю печаль препорꙋчаючимъ Богꙋ; человѣкъ наконецъ, подаючїй ся влїянїю климатꙋ, жертвꙋетъ половинꙋ житья своего снꙋ и молитвѣ. Не помаленько стрѣчается слѣдовъ образованности въ одаѣ, изнидѣвшихъ послѣдствїемъ войны или бѣдствїй. Относително пѣсочныхъ волнъ гонимыхъ вѣтромъ, то пренадлежатъ они краю небылицъ. Пѣсочныи горбки Сагары цѣпкꙋю почвꙋ творятъ такъ, що нога пꙋтешественника безопасно станꙋти может; про тое столѣтїями въ неподвижимости остоятися имъ должно было. Не слабая тꙋча былабы въ силѣ ихъ изкоренити та опровергнꙋти; но самая божественная рꙋка, являющая ся въ потрясенїяхъ, которыи море въ горы, а горы въ океанъ перевергаютъ, могла бы подобное сдѣлати. Безсомнѣтельно вѣтеръ по далекихъ тѣхъ пространахъ, пѣсокъ и порохъ великими громадами подноситъ, которы караванамъ тягостными стаются и очное воспаленїе наводятъ; но тїи явленїя много розличаются отъ тѣхъ мнимыхъ вихрей, которы цѣлы горы пѣскꙋ на караваны бросаютъ, и ними ихъ засыпаютъ.

Скваръ во время лѣтное есть въ Сагарѣ неизносимый. Рѣшающїи ся пꙋтешествовати одаевь, лежатъ о полꙋдно безъ дꙋха, ославлы, непромогаючїи членомъ двигнꙋти, или голосꙋ издати, на землѣ простертыи. Въ зимѣ натомѣстъ есть дꙋже стꙋдено мимо близости екватора, а одежь изъ волны не защищаетъ довольно отъ навѣванья ледового сѣверного вѣтрꙋ. Ночїю забиваются подорожныи не роздѣгаючись въ своипокрывала Одинъ чорный именемъ Саидъ сопꙋтникъ англїйского пꙋтешественника Рихардсона, егоже девятимѣсячномꙋ пꙋтешествїю черезъ Сагарꙋ мы слѣдовати рѣшились, имѣлъ тотъ норовъ, съ многими африканами, принадлежащими къ караванѣ, шатернымъ полотномъ своего пана окинꙋтися; такимъ свѣтомъ огрѣвали ся тїи на морозъ такъ чꙋвствительныи Негры. Вообще спатъ рабы, сопровождаючїи караванꙋ на землѣ, безъ покрова и защищенїя отъ стꙋденого вѣтрꙋ. Есть то однакожь найменшою часткою ихъ нꙋжды.

Первое путешествіе черезъ Сагару.

Въ направленїю отъ Триполи, предпринялъ господинъ Рихардсонъ пꙋтешествїе свое въ одаю. Англичане оудерживали по

тотъ часъ февдалное владѣнїе въ Триполи, не совершенно скрытое; англїйскїй консȣлъ могъ воистинно за башȣ того госȣдарьства барбарескôвъ оуходити, который поименно владѣнїю порты подвергалъ ся. Междȣприключенїе, явившое ся вскорѣ передъ отшествїемъ Рихардсона, подасть намъ понятїе о важности, якȣю имѣлъ англїйскїй консȣлъ. Однои днины издалъ баша розпоряженїе, оно же видѣлось англїйскомȣ консȣлȣ, полковникȣ Варрингтонȣ, дерзостїю сопротивъ его достойности. Когда полковникȣ тое извѣщено, проѣзжалъ ся онъ по тотъ часъ верхомъ. Сей часъ слѣзъ изъ коня, поспѣшилъ въ палатȣ и явилъ ся съ бичемъ въ рȣцѣ предъ его Высочествомъ. Въ той хвилѣ баша давалъ послȣшанїе одномȣ италїанови; тотже свачивши люто изображающȣю ся на лицѣ Варрингтона, воскрикнȣлъ: „*Che cosa vuole Signor Consolo?*" „Скажѣтъ емȣ, отвѣтилъ полковникъ по англїйски, що онъ есть каналїя!" Счастливымъ слȣчаемъ италїанъ не розȣмѣлъ по англїйски, а переводчикъ его Высочества былъ не присȣщный; но полковникъ здѣлалъ бичемъ своимъ движенїе оубѣдительнѣйшое отъ словъ. Паша оужаснȣлъ ся и сдѣлалъ слѣдȣющого ранка консȣлȣ желаемое оудовлетворенїе, послѣ чого господинъ Варрингтонъ опять принялъ его въ ласкȣ, запросилъ на обѣдъ и на оукоръ законамъ пророка оупоилъ принадлежно.

Во прочемъ не всегда наблюдалъ Варрингтонъ такой строгости. Имѣлъ онъ различныи способы дати силȣ волѣ своей. То желалъ жестоко покоренїя якъ въ послѣдно описанномъ явленїю, то и жартовалъ прїятно съ башою, скрывающи когти англїйского льва подъ видомъ добродȣшїя. Не возможно изобразити собѣ, съ якимъ религїйнымъ почитанїемъ посѣщаютъ бисȣрмане свои надгробїя. Извѣщено башѣ, що англичане откопывающи кости, оскверняютъ святыи мѣстца кладбища. Баша послалъ до консȣла и повелѣлъ скоро его прикликати. Господинъ Варрингтонъ прїодѣгъ ся въ найкраснѣйшїй мȣндȣръ, и забралъ ся въ сопроводѣ канцлера своего и вице-консȣла и Драогмана до баши. Введено его въ сгромаженный до надпорядочного засѣданїя диванъ. Его Высочество окрȣженъ первыми оурядниками, ожидалъ его явленїя; прошено его дабы благоволилъ оусѣсти, по чемъ баша высокимъ тономъ довѣдовался, чи то истина есть що христїане всѣ кости якихъ лишь допаст ся могȣтъ розсылаютъ за границȣ и що даже гробы оскверняются въ пособїе до тѣхъ вывозовъ. Полковникъ не потеряючи ни на волосъ своей бодрости, пожелалъ счастья башѣ, що до посовѣтованїй такъ важного предмета диванъ сгромадилъ. Воистинно, непристойное есть то дѣло, прибавлялъ онъ, що даже по гробахъ костей искаютъ до розсыланїя въ Европȣ."

— Якъ то, лишь не пристойно! воскрикнȣлъ баша; кто таковы безбожностьи обвинится долженъ пострадати лобъ свой.

— Да бȣдетъ и такъ, отповѣлъ консȣлъ; якъ Высочествȣ вашомȣ понравится.

Оуступчивостїю полковника ободренъ, проситъ баша, щобы изяснилъ емȣ, до чого христїане всѣхъ тѣхъ костей оупотребляютъ.

— Пьете вы кавȣ?

— Такъ!

— И кидаете цȣкрȣ?

— А такъ, такъ! — А цȣкоръ тотъ бѣлый? — А такъ, такъ!

— То знайтежь, мовилъ консȣлъ послѣ того, що старыхъ костей оупотребляется, дабы обѣлити цȣкоръ.

Одноґласное восклицаніе „Аллагъ!" произвелось въ нѣдрѣ сгромаженія, а працающися и посмѣшкующися, посмѣшкующися и працающися, обернулъ ся полковникъ плечима, та отойшолъ въ свое обиталище. Слѣдующои днины выдалъ баша вида ради запереченіе вывозу костей, но англичане продолжали торгъ свой кромъ того безпрерывно. Баша лишь самъ, отъ той днины запретилъ употребленіе рафинованного цукру на своихъ столахъ.

(П. с.)

КОРОЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ.

(продолженіе)

То суть епическіи стихотворенья Короледворской рукописи. Суть они не що иное, якъ народныи богатырскіи пѣсни, и для того ихъ найлучше поровнати можно съ нашими народными богатырскими пѣснями иль съ мужескими пѣснями Сербовъ. Они составлены вскорѣ после событій, которыи воспѣваютъ. Творческая бо сила народа, живущого съ природою, народа сильного и горячо и благородно чувствующого, изъ успѣха богатырскихъ подвиговъ выводитъ тотчасъ пѣсню. Такъ дѣется доселѣ у братій нашихъ Сербовъ, такъ само дѣялось у насъ до недавна, и вѣрно дѣялось передъ нѣсколько сотъ лѣтъ и у Чеховъ. Произведенье пѣсней рукописи вскорѣ после событій подтверждается и обстоятельствомъ, що въ рукописи не находятся ніякіи отсылки на древное преданье, якоже и тѣмъ, що въ ней не обрѣтаемъ ніякихъ баснословныхъ примѣтокъ.

За епическими стихотвореньями слѣдуютъ въ рукописи лирико-епическіи и чисто лирическіи. Къ лирико-епическимъ принадлежатъ: Збигонь и Олень; къ чисто лирическимъ Китица, Ягоды, Рожа, Зазуля, Сирота, Жаворонокъ, Я не буду говорити о каждой съ тѣхъ пѣсней подробно. Скажу только, що въ нихъ отбивается древняя Словянская простота, чувствительность, живость и ясность. Судя по неровности стиховъ и по обращеніяхъ пѣвца къ природѣ, можнобы Оленя, Збигоня и Рожу до найдавнѣйшои отослати минулости. Но и прочіи суть произведеньемъ самои глубокои древности, составленны самымъ народомъ младенцемъ и позднѣйше отъ якого нибудь пѣвца списанны.

Замѣчательно, що изъ всѣхъ Словянскихъ народовъ только въ Русскомъ отискались пѣсни, подобныи тимъ древнимъ стихотвореньямъ Чеховъ. Такъ Рожа слово въ слово подобна до одной Великорусской пѣсни, только що дѣвица вмѣсто до рожи бесѣдуетъ до садочка: „Ахъ, ты сад-ли мой, садочикъ, Садъ, да зеленое виноградье!" Сирота весьма подобна пѣсни: „Какъ у ключика у гремучева." Китица подобна слѣдующой нашой пѣсни:

Ой у садоньку павоньки ходятъ,
Павоньки ходятъ, перенько ронятъ:
Ходитъ за ними красна дѣвонька
Перья сбираетъ, въ рукавъ складаетъ,
Св рукавця беретъ, на столикъ кладетъ,
Съ столика беретъ, вѣночокъ плететъ,
Павляный вѣнокъ, чистый барвѣнокъ,
Все примѣряетъ на головоньку:
Дивися ненько, чи оздобненько?

Пошла дѣвчина рано по воду,
Та ся сорвали буйны вѣтрове,
Буйны вѣтрове, сильны дожжове,
Рванули вѣнкомъ подъ крутый берегъ,
Подъ крутый берегъ, въ глубокій Дунай.
Плынетъ вѣночокъ краемъ, Дунаемъ,
А она за нимъ все береженькомъ;
Тай надыбала тры рыболоньки,
Три рыболоньки, паньскіи слуги:
Помагай Богъ вамъ, три рыболоньки,
Три рыболоньки, паньскіи слуги!
Чи не стрѣчали, чи не поймали
Павляный вѣнокъ, чистый барвѣнокъ?
— Ой мы стрѣчали, ой мы поймали
Павляный вѣнокъ, чистый барвѣнокъ;
Та щожь намъ будетъ за переемецъ?
„Одному будетъ золотый перстень,
Золотый перстень съ бѣлого пальца.
Другому будетъ хустка шолкова,
Хустка шолкова съ бѣлои шіи.
Третему будетъ сама молода
Сама могода, та якъ ягода."

Сверхъ того Королелвотская рукопись въ выраженьяхъ, строеньяхъ положеній и вообще въ языцѣ, исключая древніи формы, такъ разительно подобна нашимъ народнымъ пѣснямъ, що, не смо-

тря на нѣкоторыи меншіи признаки языка, мы смѣло моглибы сказати, Короледворская рукопись есть наша. Тое показуетъ, що нашъ Русскій языкъ, въ средоточіи Словянщины не будучи выставленнымъ на влїянья чужихъ языковъ, и прибивая черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ якобы въ обмороцѣ, не утратилъ старинной простоты, ядрости и силы звуковъ древнихъ Словянъ, жившихъ съ природою, чого доказомъ такожь такъ удивительное его сходство съ языкомъ церковнымъ. Для того много прислужилбыся не только Русскому, но и всѣмъ Словяньскимъ языкамъ, ктобы нооцѣненыи нашіи народныи пѣсни, казки и пословици въ одно содралъ и избалъ.

Въ первый разъ издана Короледворская рукопись въ Празѣ 1819 года. Издатель В. Ганка присоединилъ тогда къ древнему тексту переводъ на новочешскій языкъ и стихотвореный Нѣмецкій переводъ Г. Свободы. Скоро только явилась, ученіи мужи, якъ Добровскій, Палацкій, Шафарикъ Раковецкій, Бѣльовскій, Шишковъ, Мейнертъ, Гете и много иныи привитали ю съ восторгомъ и признали ей дорогоцѣнность и древность въ дневникахъ и сочиненьяхъ. Весь Чешскіи народъ кажетъ Н. Бергъ началъ повтаряти наизустъ солодкіи и чудно-высокіи стихи; поеты всей Чехіи, дотолѣ едва слышніи, заговорили вѣщимъ языкомъ; артисты музыки положили пѣсни тѣ на ноты; и до сихъ поръ не умолкъ еще шумный голосъ міра Словянского о томъ сокровищѣ незапамятной старины, о Короледворской рукописи; и до сихъ поръ она живетъ на языцѣ и въ сердцѣ такъ самыхъ Чеховъ, якъ и всѣхъ ихъ многочисленныхъ собратій. Доселѣ явилось десять изданій рукописи и многіи переводы, якъ Польскій Великорусскій, Сербскій, Иллирскій, Горнолужицкій, Италїанскій, Ангелійскій, Нѣмецкій, и Мадярскій, якоже и переводы нѣкоторыхъ стихотвореній на Лужицкій, Русскій, Краинскій, Френцузскій и Булгарскій. Все тое есть ручительствомъ ей великои цѣны. И истинно не только въ поетическомъ, но и въ историческомъ и археологическомъ отношеніи Короледворская рукопись и для Чеховъ и для всѣхъ Словянъ неоцѣнена.

Къ Короледворской рукописи присоединяется „Любушинъ судъ." Тое стихотровенье найдено и подарено Чешскому Музею 1818 года Шафарикъ и нѣкоторыи другіи говорятъ, що сія пѣснь явилась въ девятомъ столѣтіи, Свобода же относитъ ю къ одинадесятому столѣтїю.

Перекладаючи Любушинъ судъ якоже и Короледворскую рукопись на стихи Русскіи, я старался по возможности быти вѣрнымъ подлиннику, и по той причинѣ не употребляхъ въ епическихъ стихотвореніяхъ ритмы. Меншіи однако пѣсни передавалъ стихами ритмованными, мѣря стихи по гласоудареніи, ибо тоническое стихосложенье само по моему мнѣнію нашому Русскому языку свойственно.

М. Онуфріевичъ.

Подаемъ списъ достопочтенныхъ предплатителей на Зорю Галицкую т. г.

Бл. госп. Иларіонъ Стеткевичь пит. сѣм. въ Львовѣ.
„ „ Александръ Поховскій
„ „ Михаилъ Лопатинскій
„ „ Амброзъ Шанковскій
Его преп. госп. Дуткевичь крил. гр. каѳ. капит.
„ „ „ Яновичь „ „ „ „
„ „ „ Дембицкій „ „ „ „
„ „ „ Мацѣкевскій наст. чина ОО. Василіановъ
Достопочтевное общество О. О. Василіаъ въ Крыстинополи.
„ „ „ Гошевѣ
Его преп. всеч. госп. Илницкій вицеректоръ сѣменища
Бл. госп. Яворскій аспирантъ чина ОО. Василіановъ
Преп. госп. Цьепановскій проф. богословія.
Преп. госп. Гарасимовичь пар. изъ Дубовецъ.
Бл. госп. Левъ Цельевичь пит. сѣм. Львовского.
„ „ Іоанъ Сосенко „ „ „
Его прп. госп. Михаилъ Кузьемскій кустосъ гр. к. кап.
Достопочтенный Монастырь ОО. Василіановъ въ Золочевѣ.
„ „ „ „ Львовѣ.
Благ. госп. Василій Ковальскій минст. концп.
„ „ Др. Клементій Рачинскій адвокатъ въ Львовѣ.
„ „ Стефанъ Рачинскій обиватель въ Чернолозцахъ
Преп. госп. Теодозій Кочуровскій приход. въ Подгоркахъ.
„ „ Грабовичь прих. въ Ковзловцѣ.
„ „ Мяхаилъ Козановичь намѣст. въ Ольшанницѣ
Всеч. гр. каѳ. капитула въ Перемышлѣ
Преп. госп. Др. Гинилевичь крил. и схол. въ Перемышлѣ
„ „ Лукашевскій крил. въ Перемышлѣ
„ „ Др. Юзычинскій проф. Богос. въ Перемышлѣ
„ „ Владиміръ Добрянскій секрет. въ Перемышлѣ
„ „ Николай Соньевицкій прих. въ Гвоздцѣ
„ „ Должанскій прих. въ Корчинѣ
„ „ Телецкій прих. въ Хотимирѣ
„ „ Козьоровскій прих. въ Дрогобвѣ
„ „ Головацкій проф. на всеуч. Львовскомъ
„ „ Иларіонъ Чирнянскій прих. въ Кривцахъ
„ „ Терлецкій прих. Рабіе
Бл. госп. Фидоровичь канд. чин. уч. въ Львовѣ
Преп. госп. Кмицикевичь прих. въ Гаехъ
„ „ Скопчиньскій намѣст. въ Филипковцяхъ

(П. с.)

Тvпомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.